и двое братьев-служителей, с обнаженными мечами в руках, стали по обе стороны двери. Когда принесли распятие, великий магистр, указывая на фигуру распятого Спасителя, спросил, чей это образ, и допрашиваемый ответил: «Образ Иисуса Христа, претерпевшего крестные муки во спасение человечества»; но великий магистр воскликнул: «Неправду ты говоришь, и весьма ошибаешься, ибо он был сыном обычной женщины, а распяли его из-за того, что он называл себя Сыном Божьим, и я сам побывал в тех местах, где он был рожден и распят, и ты должен сейчас отречься от того, кто здесь изображен». Допрашиваемый воскликнул: «Как могу я отречься от Спасителя?»; но великий магистр сказал, что либо он сделает это, либо его засунут в мешок и отнесут туда, где его никто не найдет, а в комнате были мечи и братья, готовые обнажить их, и прочее; и допрашиваемый осведомился, является ли это обычаем ордена, и все ли братья поступают так, и когда ему ответили утвердительно, он, под угрозой неминуемой смерти, отрекся от Христа устами, но не *сердцем*. На вопрос, в кого повелели ему веровать после отречения от Христа, он ответил: «В великого всемогущего Бога, который сотворил небо и землю»"[12].

Вот, в сущности, и все доказательства вины, которые удалось получить за месяцы пыток, тюремного заключения и усилий всякого рода у тамплиеров в Англии. Состав преступления сводится к тому, что они вынуждали всех, кого принимали в орден, отречься от христианской веры — вещь совершенно невероятная. Можно ли предположить, что добрые христиане, высокородные, уважаемые, набожные люди, вступавшие в орден тамплиеров, сделавшие крест своим символом и знаменем, внезапно полностью забыли свою веру и учение? Не следовало ли бы им обвинить в нечестии и беззакониях инквизиторов и их главу — папу римского?

Проступок должен быть предтечей преступленья:
Кто может правило нарушить без зазренья,
Нарушит и закон, когда придет пора.
Свои ступени есть у зла, как у добра.
Кто с отроческих лет известен нравом скромным,